

А.Д. Винокуров

«Рыба – фронту!»:
Чурапчинская трагедия 1942–1944 гг.:
из истории трудовых мобилизаций
в Якутской АССР

В статье на основе документов Национального архива Республики Саха (Якутия) и аудиовизуальных воспоминаний, собранных в рамках работы историко-мемориального проекта «Албан аат – 2015», исследован вопрос принудительной трудовой мобилизации чурапчинских колхозников на добычу рыбы для снабжения фронта и центральных районов СССР. На основе анализа воспоминаний автором выделены практики адаптации к новым условиям жизни, особенности питания и производственной повседневности среди колхозников-переселенцев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Якутская АССР, переселенец, трудовая мобилизация, традиционные практики, производственная повседневность.

В данной работе предпринята попытка исследования адаптационных практик и производственной повседневности чурапчинских переселенцев, оторванных от родных мест в годы военного лихолетья. Несмотря на массив опубликованных архивных документов и упоминание о переселении в ряде исследований, данная тема продолжительное время оставалась закрытой и остается слабоизученной. При подготовке статьи автор обратился к опубликованным архивным источникам в сборнике документов «История Чурапчинского переселения: документы, цифры, факты», для иллюстрации практик повседневной жизни в научный оборот введены аудиовизуальные воспоминания респондентов историко-мемориальной экспедиции «Албан аат – 2015». Необходимо подчеркнуть, что это событие вошло в историю Якутии как Чурапчинская трагедия.

В связи с тяжелой обстановкой на фронте, признав кризис системы государственного снабжения в решении проблемы продовольственного обеспечения армии и населения центральных районов страны, ЦК ВКП(б) и СНК СССР 16 января 1942 г. утвердили постановление № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». Согласно данному постановлению, Якутский обком ВКП(б) совместно с Совнаркомом ЯАССР и Якутским рыбтрестом предписал райкомам партии и райсоветам республики создать 200 рыболовецких бригад при сельскохозяйственных колхозах¹.

Но эти решения не обеспечивали выполнения плана рыбодобычи, и тогда Якутский обком ВКП(б) принял решение о переводе 30–40 колхозов Чурапчинского района на устав рыболовецких колхозов и их дальнейшем переселении в Кобяйский, Жиганский и Булунский районы². Обоснованием этого решения стали засуха и фискальная задолженность колхозов Чурапчинского района. Согласно распоряжению, в связи со сменой профиля с переселяемых колхозов снимались обязательства по государственным поставкам. Для организации и осуществления всех мероприятий по переселению и разъяснительной работы была образована комиссия в составе восьми представителей различных ведомств под председательством наркома земледелия ЯАССР Н.Г. Анашина.

16 августа 1942 г. в Чурапче на заседании Чурапчинского райкома партии при участии представителей органов советской власти ЯАССР был утвержден проект переселения колхозов района в три северных района. Ход работы по организации переселения 41 колхоза отражен в справке от 10 сентября 1942 г., подготовленной комиссией: «В период с 17 по 23 августа проводились в нассоветах (наследный совет, соответствует сельскому совету) собрания наследного актива и в колхозах собрания колхозного актива, а общие собрания колхозников во всех переселяемых колхозах – с 17 по 28 августа. 4988 чел и 1972 головы коров и конского скота переселились в северные районы. В некоторых колхозах на общих собраниях (им. Новгорода, им. Калинина) выносили благодарность обкому и СНК ЯАССР за заботу о колхозниках. Наряду с этим в 2 колхозах: им. Ворошилова и “15 лет Комсомола” незначительная часть колхозников, главным образом, из бывшей зажиточной части или бывшие участники банд пытались сорвать переселение... В числе переселившихся членов ВКП(б) – 8, кандидатов – 5, комсомольцев – 84 человек...»³.

Несмотря на обязательный характер переселения, часть колхозников изъявила желание остаться на родине, примером может

послужить письмо колхозницы Д.А. Поповой в адрес переселенческой комиссии⁴: «Прошу Вас принять к сведению, о том, что я против переселения из родной земли в другое место, поэтому я остаюсь у родного сына В.Д. Попова. Он и колхоз не возражают против принятого мною решения...».

Переселение часто носило принудительный характер с привлечением сотрудников милиции, о чем свидетельствует факт, записанный со слов Е.К. Собакина: «Отец, желая спасти меня от переселения, решил уйти в Мегино-Кангаласский район в семью старшей дочери. Нашему плану не суждено было сбыться, по пути нас остановили милиционеры и сказали, что наша попытка приравнивается к побегу и будет осуждена по законам военного времени»⁵.

В сборнике документов «История Чурапчинского переселения» указано, что каждой семье разрешалось брать только 16 кг поклажи. Колхозники тратили на путь от трех до шести суток в зависимости от удаленности наслегов и к 28 августа 1942 г. стали прибывать к Бестяхской пристани. Однако в первые дни обещанное властями района и республики централизованное питание организовано не было, о чем свидетельствует выдержка из справки от 28 августа 1942 г. руководству Якутского обкома: «Прибывшие на берег люди не имеют денег на выкуп продуктов до прихода парохода, а Рыбтрест будет кормить бесплатно только на пароходе»⁶. Люди, находившиеся более месяца под открытым небом на берегу Бестяхской пристани, были истощены, оставшись без должного питания и размещения со стороны организаторов переселения и республиканских властей. Наряду с этим до момента погрузки на баржи были зарегистрированы первые случаи смерти колхозников от голода, болезней и переохлаждения⁷.

Последними были отправлены в период с 20 сентября по 16 октября 1942 г. суда с колхозами, подлежащими переселению в Кобяйский район. Среди причин десятидневной задержки в справке руководству республики значится халатное отношение Ленского управления речного пароходства к подготовке графиков отправки и подачи барж под погрузку. Кроме того, суда и баржи не были приспособлены к перевозке людей: не было освещения, уборных, отсутствовали лодки и топливо для очагов⁸. Данный факт находит подтверждение в рассказе Н.Е. Захарова: «Прибывший пароход не был пассажирским, поэтому люди и скот ехали в трюмах»⁹.

На заседании Якутского обкома ВКП(б) состоявшегося 29 сентября 1942 г., было утверждено протоколом № 226 постановление «Об итогах переселения колхозов Чурапчинского района». Согласно отчету, успешно был переселен 41 колхоз с

числом 1655 хозяйств, 4988 человек, из них: в Булунский район 10 колхозов, 252 хозяйства и 759 человек, в Жиганский – 13 колхозов, 40 хозяйств и 1736 человек, в Кобяйский – 18 колхозов, 863 хозяйства и 2493 человека¹⁰.

Транспортировка переселенцев происходила неорганизованно, что находит подтверждение в телеграмме в адрес Управления речного транспорта, согласно которой часть колхозников по неопределенным причинам пароходом «ЯЦИК» была высажена на острове Таас-Тумус. Однако другая часть колхозников была доставлена по назначению, в местность Бакыр. Несмотря на плохое качество обслуживания, речники списали с расчетных счетов колхозов за свои услуги сумму 469,2 тыс. руб.¹¹

Одним из свидетельств нарушения гражданских прав переселенцев является следующий факт, записанный со слов Е.К. Собакина: «В последний день, в связи с голодом, колхозникам выдали немного мяса, в этот момент милиционеры начали кричать, что прибывает пароход, и приказали собирать вещи и еду. Мы не успели поесть. Наспех собрав вещи, стали ждать, когда пароход причалит к берегу. Но пароход подплыл к берегу на следующие сутки в 17 часов вечера, а нас погрузили только ночью в кромешной тьме. От взрослых я услышал, что при погрузке в судно старик со старухой упали с трапа и утонули. Мы отплыли только к обеду завтрашнего дня. Я помню, что мы плыли 4–5 суток. На пароходе кормили только жидкой кашей»¹².

В правительственной докладной записке констатировался факт плохой организации подготовительной работы по размещению переселенцев: «По прибытии в Кобяйский район колхозники были высажены пароходами на берег островов Сулар, Таас-Тумус, Арылыаах (на р. Лена), Хатырык Хомо и Бакыр на реке Вилюй... Полное отсутствие всякой работы по подготовке к приему переселенческих колхозов Чурапчинского района в Кобяйском районе подтверждается и тем, что большинство колхозников, живя в октябре месяце под открытым небом на берегах рек Лены и Вилюя, а также и в промежуточных остановках, до места своего сселения, не успевали своевременно хоронить умерших колхозников...»¹³. В воспоминаниях Н.С. Захарова зафиксировано: «Перед отъездом нас заверили, что там уже готовы дома и продукты для заселения, также подчеркнули, что будете кормиться рыбой и охотой. Когда мы приехали в Таас-Тумус, обнаружили единственную юрту и два хотона, в которых разместился целый колхоз»¹⁴.

Большая часть работы по обустройству быта и ремонту отведенных на заселение домов была проведена силами переселенцев,

на что указывает свидетельство Н.Е. Захарова: «На момент высадки нашего колхоза уже выпал глубокий снег, а нас разместили в ситцевой палатке. Десять мужчин были отправлены в местность Харыйалаах, центр колхоза им. Горького. Они отремонтировали пустые дома, затем через 10 дней вернулись с подводами за нами. Часть колхозников была расселена на участке Бэрэ»¹⁵.

Особый интерес вызывает производственная повседневность чурапчинских переселенцев. Необходимо отметить, что эти люди на момент прибытия в Кобяйский район не имели навыков промышленного лова речной рыбы и стратегий выживания в неблагоприятных природно-климатических условиях. В связи с плохой организацией подготовительной работы по распределению инвентаря и обучению переселенцев первое время вылов рыбы был малоэффективен. Повседневность рабочих будней рыболовецкой бригады прекрасно иллюстрируют воспоминания Н.Е. Захарова: «Во-первых, переселенцы испытывали большие трудности из-за отсутствия навыков по добыче и заготовке рыбы. Во-вторых, у переселенцев не было сетей и вершей, у местного населения Тыайинского наслега их было мало. Весной 1943 г. нас отправили вниз по реке на лов рыбы. Мы, расчистив дно акватории возле песчаной косы, тянули сети. В среднем за один проход сети мы ловили 4–5 рыбин, наиболее удачными считались уловы в 7–10 рыбин. Это были рыбы хороших сортов. Нам на еду не давали ни грамма рыбы. Нас не обеспечивали обувью, поэтому я ходил сырмятных торбасах, которые берег. На лов рыбы почти все выходили босиком, так приходилось ловить рыбу вплоть до ледостава. Из-за работы в холодной воде распухали и теряли чувствительность ноги. Кстати, омуль в летнее время хорошо не ловился, но лов шел хорошо только к моменту ледостава, когда они подплывали к берегу. Перед самым ледоставом мы переправились на берег р. Лены в стороне Янских гор. Если остаться в момент ледостава на косе или острове, то шансов выжить нет. Переправившись, мы вышли к местности “Киччэн” напротив места впадения реки Виллой в реку Лену. Там была звероферма, разводящая чернобурок, где мы попросили работу за продовольственный паек. Когда река встала, в середине ноября мы гуськом на удалении друг от друга перешли реку. Нам по возвращении рассказали о печальной судьбе одной рыболовецкой бригады, не успевшей переправиться на коренной берег. В то время дисциплина и режим работы был строгим. Например, для оповещения колхозников о начале рабочего времени в 8 ч. утра били в железный колокол, затем в обед и в 17 ч. вечера об окончании рабочего дня. В тот год мы сдали около 52 тонн рыбы»¹⁶.

Не менее интересные сведения об тяжелых условиях работы на рыбозаводе о. Таас-Тумус есть в воспоминаниях Н.И. Дыдаева, уроженца Ожунского наслега Чурапчинского района: «Ослабленные от голода люди с трудом выдалбливали лед для подледной ловли рыбы. Тем, кто работал, выдавали за счет трудодней ничтожное количество муки и по одной–две рыбы. Колхозники всю рыбу сдавали в помощь Красной армии. В то лето я помогал ловить рыбу. Моя работа заключалась в погрузке выловленной рыбы из сетей в лодку, далее я тянул лодку вдоль берега и доставлял ее колхозникам, занимавшимся обработкой и заготовкой рыбы. Они работали за длинным столом, где потрошили, чистили и солили рыбу. Засоленную рыбу укладывали в бочки, после наполнения четырех бочек их отвозили на лодке в остров Таас-Тумус»¹⁷.

В первый год пребывания переселенческих колхозов на территории Кобяйского района в связи с отсутствием лимита на выдачу хлеба и муки зафиксированы факты массовой смерти от голода, отраженные в докладной правительственной комиссии в 1943 г.: «В районе запаса продукта было очень мало, поэтому неработающим, детям, сиротам, старикам норма не выделялась. Работающим в месяц выдавали по 3 кг муки... По колхозам, имеющим наилучшие показатели по выполнению плана рыбодобычи за год (за IV квартал 1942 г. и за I, II и III кварталы 1943 г.), в среднем на дееспособного колхозника получали хлеба за сданную рыбу: колхоз “Кыым” – 67,6 кг, им. Калинина – 106,6 кг, им. Ленина – 91,6... Например, 1 колхозник колхоза “Кыым” зарабатывал 190 гр. хлеба в день на себя, “Калинина” – 290 гр.»¹⁸. В том же документе указана гибель от голода и болезней 627 колхозников (123 хозяйства) и приведены данные об оставшихся дееспособными колхозниках.

Доведенные от отчаяния люди употребляли в пищу пищевые суррогаты, что отражено в воспоминании Н.С. Захарова: «Весной после ледохода на пропитание мы ловили рыбу удочками, собирали дикий лук. Нас спасла сосновая заболонь, которую мы употребляли в пищу. Из родных мест мы привезли шкуру, которой была обита дверь, ее тоже съели»¹⁹.

О помощи местного населения переселенцам вопреки правилам военного времени и республиканских властей свидетельствует воспоминание Н.И. Дыдаева: «Нас приютил... местный житель Гуляев Кирилл Афанасьевич. С наступлением тепла в следующем году мы построили пристрой к юрте. Хозяин юрты был бригадиром рыболовецкой бригады, и он украдкой от руководства кормил переселенцев ухой и рыбой из улова»²⁰. В Кобяйском районе чурапчинские переселенцы столкнулись с ранее неизвестной им практикой ква-

пения рыбы, о чем вспоминает Н.Е. Захаров: «Однажды местный старик взял меня с собой, и мы пошли к схрону на краю озера. Там была озерная рыба, заготовленная способом “лыбыба”. Мы начали ее пилить, и старик дал часть рыбы»²¹.

В апреле 1943 г. руководству страны стало известно о критическом состоянии сельского хозяйства и тяжелом положении колхозников ЯАССР, в связи с чем было утверждено постановление ЦК ВКП(б) «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского обкома ВКП(б)». В постановлении были указаны грубые ошибки руководства Якутской АССР в области сельского хозяйства, необходимость исправления допущенных ошибок, проведения пленума обкома партии и принятия соответствующих мер по восстановлению и подъему сельского хозяйства республики.

В сентябре 1943 г. в Кобяйском районе начала работу Правительственная комиссия по изучению положения чурапчинских колхозов, переселенных в Кобяйский район, под председательством Е.К. Припузовой. В докладной в первую очередь указаны перегибы и ошибочность решения о переселении чурапчинских колхозов без изучения и анализа состояния колхозов и природно-климатических условий районов расселения. Наряду с этим комиссия выявила многочисленные нарушения гражданских прав переселенцев. На основании результатов работы комиссия рекомендовала в обязательном порядке вернуть переселенцев на прежние места проживания в Чурапчинском районе²².

28 марта 1944 г. Бюро обкома ВКП(б) и СНК ЯАССР приняли постановление «О мероприятиях по переселению колхозов Чурапчинского района, ранее переселившихся в Кобяйский район», согласно которому не представлялось возможным возвращение переселенных колхозов на прежнее место жительства в связи с тяжелыми последствиями засухи и рекомендовалось влиться в состав других колхозов Намского, Мегино-Кангаласского и Чурапчинского районов²³.

В заключение необходимо отметить, что у чурапчинцев не было никакого статуса спецпереселенцев, они не были поражены в гражданских правах и свободах. Таким образом, по мнению Правительственной комиссии, переселение 18 животноводческих колхозов Чурапчинского района в Кобяйский район для добычи 3500 центнеров малоценной рыбы не было оправданным решением руководителей Якутского обкома ВКП(б) и стало главной причиной Чурапчинской трагедии.

- 1 НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 171. Д. 90. Л. 7–7об.
- 2 История Чурапчинского переселения: документы, цифры, факты. Якутск, 2014. С. 14–15
- 3 НА РС (Я). Ф. 3. Оп. 183. Д. 136.
- 4 Там же. Ф. П-3. Оп. 8. Д. 139. Л. 3–3об.
- 5 Воспоминания Егора Кирилловича Собакина (род. 27.03.1932), уроженца П Мельжехсинского наслега Чурапчинского района. Продолжительность записи 30 минут. Аудиовизуальные материалы историко-мемориальной экспедиции «Албан аат – 2015».
- 6 История Чурапчинского переселения... С. 17.
- 7 Там же.
- 8 НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 183. Д. 136. Л. 1–9.
- 9 Воспоминания Николая Егоровича Захарова (род. 13.12.1925), уроженца Телейского наслега Чурапчинского района. Продолжительность записи 51 мин. Аудиовизуальные материалы историко-мемориальной экспедиции «Албан аат – 2015»
- 10 НА РС (Я). Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 459. Л. 9–10.
- 11 История Чурапчинского переселения... С. 6.
- 12 Воспоминания Егора Кирилловича Собакина.
- 13 НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 161. Д. 43. Л. 50.
- 14 Воспоминания Николая Семеновича Захарова.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Воспоминания Николая Ильича Дыдаева (род. 31.05.1931), уроженца Ожулунского наслега Чурапчинского района. Продолжительность записи 33 мин. Аудиовизуальные материалы историко-мемориальной экспедиции «Албан аат – 2015».
- 18 НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 161. Д. 43. Л. 48–72.
- 19 Воспоминания Николая Семеновича Захарова.
- 20 Воспоминания Николая Ильича Дыдаева.
- 21 Воспоминания Николая Егоровича Захарова.
- 22 НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 161. Д. 43. Л. 48–72.
- 23 История Чурапчинского переселения... С. 48.